

Глава 18. Дурак и обманщик

Фу Цзяньси уехал с кладбища Восточных гор на автобусе. Погост располагался на возвышенности, и отсюда город казался погребённым под грязно-серым смогом. Сколько ни вглядывайся в горизонт — ни единого яркого пятна, даже распутившиеся у обочины цветы казались присыпанными пеплом.

Перед глазами Цзяньси снова и снова, словно зацикленная плёнка, прокручивалась одна и та же сцена: перекошенное злобой лицо Фу Тяньюя, его бешеный взгляд, со свистом цедащий сквозь зубы яд голос и жалкая фигура, сжавшаяся у могильной плиты.

Он уже начинал жалеть, что так настойчиво тащил отца на кладбище.

С одной стороны, было очевидно, что Фу Тяньюй к покойным родителям ничего, кроме равнодушия, не испытывает. Цзяньси всерьёз опасался, что этот человек осквернит могилу бранью и потревожит покой усопших.

С другой стороны... перед глазами стояли дедушка с бабушкой. Тоскливые, полные робкой надежды взгляды, которыми они провожали его перед самой смертью. Цзяньси тогда не понимал всей глубины этой немой мольбы, но знал одно: как бы там ни было, Фу Тяньюй оставался их сыном.

Правильно ли он поступил?

На душе было скверно. В унылом настроении наполовину была виновата погода, ещё на четверть — Фу Тяньюй. Происхождение оставшейся четверти оставалось туманным.

Отец не оставил ему ни единого светлого воспоминания, так что и Цзяньси не заботился о том, что отпечатается в памяти родителя. Это не было попыткой уколоть побольнее — скорее, закономерным взаимным отторжением.

Впрочем, даже слово «взаимный» здесь едва ли подходило. Их чувства никогда не пересекались, существуя в параллельных плоскостях. Никакого диалога, только глухой односторонний выплеск.

Сделав две пересадки, Цзяньси добрался до университета лишь к шести часам вечера. Забрав из кампуса свой Да-Хэй, он выкатился за ворота. Намеренно выбирая безлюдные тихие переулки, он неспешно покатыл к дому вдоль набережной Циньхэ.

И тут он понял, что даже тысячи «почему» не хватит, чтобы разрешить его недоумение.

Этот старый прохвост что, решил отмечаться здесь ежедневно, как на работе?

Цзяньси припарковал Да-Хэя на пустом пятачке у воды и спешил. Облокотившись на каменный парапет, он лениво наблюдал, как приближается и паркуется в кармане у обочины внедорожник Фан Юя. Сквозь лобовое стекло виднелась безупречно отглаженная белая рубашка водителя, а глаза его скрывали пижонские зеркальные очки.

Строго говоря, сами по себе авиаторы не несли никакого налёта пафоса. Но Цзяньси казалось, что эта деталь на породистой переносице Фан Юя прямо-таки кричала о самолюбовании. Вечно вздёрнутый высокомерный подбородок, холодная, снисходительная усмешка и долговязая, крепкая фигура — всё в нём так и сочилось пижонством.

И зачем ему сдался именно он? Цзяньси прекрасно отдавал себе отчёт в том, что его собственный типаж среди геев вряд ли пользовался бешеным спросом. Если уж говорить о тех, кто действительно привлекал мужчин... Взять хотя бы Ци-Ци из «Лазурного моря и облачного неба», или модель Юньгэ, да даже Дацзяня — любой из них имел бы куда больший успех.

Даже сам Цзяньси вынужден был признать: Ци-Ци — настоящий искуситель, обольститель до мозга костей.

А Юньгэ? Его лицо то и дело мелькало на обложках глянца, да и вживую Цзяньси видел его однажды, когда заходил к Дацзяню. Этот популярный манекенщик обладал удивительным шармом — утончённым, гипнотическим. Очевидно, этот лоск был наведён средой, в которой он вращался, но то, как искусно он им пользовался, вызывало невольное восхищение. Настоящий мастер своего дела.

Фан Юй вышел из машины, распахнул заднюю дверцу и достал с сиденья прозрачную пластиковую папку. За те тридцать секунд, что ушли на парковку и эти нехитрые действия, он и не подозревал, какую лавину мыслей успел запустить в голове у парня.

Между ними было от силы метров сто. Фан Юй шёл не торопясь. Скрывая глаза за тёмными стёклами, он беззастенчиво разглядывал парня. Белое худи с капюшоном, тёмно-синие джинсы, простые кеды — самый заурядный студенческий наряд. Но у него от этого зрелища сладко защемило в груди.

Он украдкой сделал глубокий вдох, но это ничуть не помогло унять зачастивший пульс.

Цзяньси прислонился спиной к каменной балюстраде, одну ногу небрежно согнул в колене, уперев подошву в цоколь, другую вытянул вперёд. Первое, что бросалось в глаза — ноги. Бесконечно длинные. Спрятав свободную руку в карман брюк, он листал что-то в телефоне. Поза была ленивой, расслабленной, но до безумия притягательной.

Фан Юй остановился в двух шагах от него и стянул очки. На губах его заиграла мягкая улыбка.

— Меня ждёшь? — спросил он, заглядывая парню в лицо.

— Не надоело ещё? — Цзяньси опустил руку с телефоном и нахмурился, переводя на него взгляд.

— Отмечаюсь по расписанию... — начал было Фан Юй, но Цзяньси резко выставил вперёд руку с зажатым в ней мобильником, перебивая его на полуслове. Мужчина опустил взгляд на телефон, затем недоумённо вскинул глаза на парня:

— М?

— Уважаемый господин Фан, давайте я вам уже разрешу установить на меня маячок? — ядовито протянул Цзяньси. — Честное слово, я не против. Вы ведь человек солидный, в летах, а тратите столько сил на слежку за простым студентом. Волочитесь за мной изо дня в день. Не дай бог с вами по дороге что-нибудь случится — ко мне же потом полиция с допросами нагрянет. И как я, по-вашему, буду оправдываться?

От первой фразы Фан Юй опешил, но, дослушав до конца, не выдержал и тихо рассмеялся. Искренняя, тёплая улыбка мгновенно преобразила его лицо, разогнав холодность во взгляде.

— Ох... — Фан Юй отсмеялся и тяжело вздохнул.

«Его отчитывает мальчишка, а он радуется как дурак. Диагноз ясен: случай запущенный, лечению не подлежит»

Никакая микстура в мире не способна была усмирить это глупое, рвущееся наружу желание просто быть рядом.

— Бьюсь об заклад, на работе вы так рьяно посещаемость не отмечаете, — хмыкнул Цзяньси.

— Цзяньси, душа моя, — Фан Юй склонил голову набок, убирая улыбку, но он по-прежнему смотрел с мягкостью. — Мы можем хотя бы раз поговорить нормально? Без колючек?

— Исключено. Вы — пособник банды аферистов, обчистивших мою семью, и при этом требуете от меня радушного приёма? Дядюшка Фан, при вашем-то жизненном опыте... Ну откуда в вас эта детская, почти святая наивность? — Цзяньси выразительно кивнул на пластиковый конверт в руках мужчины.

— Да с чего ты взял, что я в банде? Ещё и «пособник»... — Фан Юй сокрушённо покачал головой. Силы спорить иссякли. Он бессильно оперся локтями о каменный парапет и повернулся к собеседнику.

— Я ведь просто хотел передать тебе документы. Свернул к набережной Циньхэ и случайно на тебя наткнулся, — озвучил он заранее заготовленную ложь и осёкся. Фан Юй отвернулся к реке, понимая, насколько фальшиво звучат его оправдания. Кого он обманывает? Он ведь

послушно тащился за юношей от самых ворот университета. Да, следил. И что с того?

Цзяньси иронично взглянул на его профиль.

— Что, даже самого себя убедить не получается? — Он снова перевёл взгляд на проезжую часть. — Дядюшка, вы же у нас опытный ловелас, гроза женских и мужских сердец. Чтобы вы — и вдруг запнулись на элементарном вранье? Прямо-таки парадокс.

— Без твоих шпилек день прожит зря, да? — Фан Юй прищурился, глядя на него снизу вверх.

С этого ракурса черты лица Цзяньси казались мягкими — лишь по чётко очерченным, словно лезвием, бровям угадывался упрямый характер. Но за этой внешней нежностью крылась колючая, ледяная броня. От парня веяло чистотой и одновременно опасной резкостью. Он никого не подпускал близко. Фан Юй, всегда уверенный в своей привлекательности, впервые столкнулся с такой неприступной стеной.

«Всё-таки первое впечатление решает всё»

От этих мыслей на душе стало совсем тоскливо.

— Будем объективны, — парировал Цзяньси. — Не крутились бы вы у меня под ногами, мне некого было бы подначивать. — Он снова указал глазами на пластиковый пакет.

Фан Юй протянул ему конверт, но пальцев не разжал. Когда Цзяньси вопросительно вскинул брови, мужчина тихо спросил:

— Решил, что оставишь в залог?

Цзяньси не сразу понял, к чему тот клонит, и промолчал. Опустив взгляд на конверт, который они держали с двух сторон, он просто разжал пальцы и недовольно уставился на Фан Юя.

— Даже если ты ничего не дашь взамен, Мэй Цзюнь тебя не тронет, — тихо проговорил Фан Юй, убирая конверт обратно и переводя взгляд на реку. — Он не такой подонок, каким кажется.

— К чему этот разговор? — Цзяньси смерил его холодным взглядом. — Пытаетесь выгородить дружка или это новый виток вашей психологической атаки?

— Послушай, Цзяньси, — Фан Юй с искренним недоумением повернулся к нему. — Откуда в тебе столько недоверия? Ты ведь ещё совсем мальчишка.

— Всё просто: дураков на свете мало, а мошенников — пруд пруди, — с самым серьёзным видом объяснил Цзяньси. — Чтобы не остаться в дураках, приходится постоянно прокачивать бдительность.

Фан Юй не выдержал и покачал головой, тихо посмеиваясь.

— Что ж, держи, — он снова протянул конверт. — С таким «прокачанным» умником ни одна банда аферистов не сладит.

— И всё-таки подумайте насчёт маячка, — Цзяньси выпрямился, убрал телефон в карман и повернулся к мужчине лицом. — Езжайте домой, дядюшка. Вас там наверняка ждут — невеста, любовники, постельные партнёры... Не стоит тратить драгоценное время на парня, который к тому же абсолютно традиционной ориентации. Что за глупая блажь?

Развернувшись, он уверенным шагом направился к своему Да-Хэю.

Фан Юй молча смотрел, как тот садится на велосипед. Фраза про «невест и любовников» больно резанула по самолюбию, но возразить было нечего. Его репутация говорила сама за себя.

— А оправдаться мне дадут? — негромко спросил он вслед.

— Избавьте меня от этого, — бросил через плечо Цзяньси, уже нажимая на педали. — У нас на районе бдительные старушки из домкома спуска никому не дают. Парочки на лавках за лишний поцелуй готовы живьём съесть. Если они услышат ваши откровения про невест и постельных партнёров, вас тут же заплюют и с позором выгонят.

Не дожидаясь ответа, он нажал на педали и покатил прочь.

Фан Юй остался стоять у парапета, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. На сердце легла тяжёлая, липкая тоска.

Цзяньси не грубил, но его слова били наотмашь своей правдивостью.

Любой нормальный человек, зная, какой хаос творится в чужой личной жизни, поспешил бы держать дистанцию. На сближение шли только те, кому от Фан Юя что-то было нужно.

А Цзяньси был слишком гордым и ранимым, чтобы ввязываться в подобные игры.

Прошное, на которое Фан Юй привык махать рукой, внезапно обернулось против него самого.

В голове невольно завертелись бесполезные мысли:

«А если бы всё сложилось иначе? Если бы за мной не тянулся этот шлейф дурацких интрижек? Может, наш первый разговор пошёл бы по-другому, и у нас появился бы шанс? Пусть даже просто на дружбу...»

Но сослагательного наклонения жизнь не терпит.

Сгущались сумерки. На улицах загорались первые огни, закипела вечерняя суeta, по тротуарам потекли людские ручьи.

Фан Юй вернулся в машину, но заводить двигатель не спешил. Он просто уронил голову на руль и безучастно уставился в окно.

Навалилась дикая усталость.

Мысли путались.

Зачем Фан Цинь развёлся?

Этот вопрос не давал ему покоя со вчерашнего вечера, с того самого момента, как раздался неожиданный телефонный звонок.

Всю ночь Фан Юй не сомкнул глаз.

Человек пропал на два месяца, чтобы потом объявиться и как ни в чём не бывало огорошить его этой новостью?

Хорошо, что днём удалось немного вздремнуть в офисе, иначе сейчас он просто не нашёл бы сил отшучиваться от нападок Цзяньси.

А ведь этот несносный мальчишка заставлял его сердце биться чаще.

Будет ли у них хоть какое-то продолжение?

Как начать новую жизнь с чистого листа, если за тобой тащится груз прежних ошибок?

Судя по всему, никак.

Один-единственный звонок — и всё полетело к чертям.

Уткнувшись лбом в сложенные на руле руки, он вслепую набрал номер.

— Алло, ты где? Вызывай Дин Лэнина, надо выпить. — Выслушав ответ, он глухо добавил: — Ладно... Буду со своим.

Он нажал отбой, посидел в тишине ещё пару минут и только потом завёл мотор.

Полчаса спустя они сидели в одном из баров на тусовочной улице. Заведение носило говорящее название «Бездельники».

Дин Лэнин так и лучился азартом, стреляя глазами по сторонам в поисках симпатичных лиц.

Мэй Цзюнь, насупившись, наблюдал, как Фан Юй ловко смешивает местное спиртное с принесённым алкоголем и разливает по трём массивным бокалам.

— Ты спятил? Тебе лечиться надо, — проворчал он. — Кого ты угробить решил? Если я так накидаюсь, благоверная меня на порог не пустит, буду на коврике в подъезде ночевать.

Пока он возмущался, Фан Юй молча опрокинул свой бокал до дна.

— Ого, — Дин Лэнин перевёл взгляд на пустой бокал друга. — С порога и без тоста? Ты что, пришёл сюда за приключениями на одну ночь? — Он придвинулся ближе, заглядывая Фан Юю в лицо, на котором застыла глухая тоска. Не дождавшись ответа, Лэнин заговорщицки зашептал: — Запоминай золотое правило съёма: напейся сам и дай шанс ближнему. Гляди туда, — он ткнул локтем друга в плечо и кивнул в сторону противоположного угла бара. — Тот паренёк с тебя глаз не сводит с самой минуты, как мы вошли. Хочешь, устрою знакомство?

Не успел он закончить фразу, как Фан Юй снова наполнил бокал и единым глотком осушил его.

— Да твою мать, Фан Юй! Что стряслось-то? — Мэй Цзюнь раздражённо вырвал у него бокал. — Скажи хоть слово, никто у тебя выпивку не отбирает.

Фан Юй медленно поднял голову. Во взгляде уже читался хмель, смешанный с полнейшей растерянностью.

— Цзяньси видел... — тихо произнёс он. — Опять он меня отшил.

— И ты из-за этого так убиваешься? — удивился Мэй Цзюнь, но Фан Юй покачал головой,

перебивая его.

— Фан Цинь звонил. Сказал, что развёлся, — Фан Юй невидящим взглядом уставился на блики света на полированном дереве стола. — Велел ждать его возвращения. Смешно, правда?

В воздухе повисла звенящая тишина. Дин Лэнин и Мэй Цзюнь оцепенели. Первым в себя пришёл Мэй Цзюнь. Он с глухим стуком опустил бокал на стол прямо перед другом.

— Только попробуй сделать глупость, Юй, — процедил он сквозь зубы. — Я тебе лично, сука, обе ноги переломаю.

Он вытащил из пачки сигарету, нервно прикурил и сделал несколько глубоких затяжек. Сплюнув табачную крошку на пол, он злобно уставился на Фан Юя.

— Юй... Да как так-то? Чёрт, — Дин Лэнин только беззвучно открывал рот, не в силах подобрать слова. Фан Юй, глядя на него, грустно усмехнулся.

— Расслабься, никаких глупостей я делать не собираюсь, — он дружески похлопал Лэнина по плечу и горько улыбнулся.

— А на кой хер ты тогда это устраиваешь? — Мэй Цзюнь ткнул в его сторону зажатой между пальцами сигаретой. — Думай головой, Фан Юй. Не доводи до греха — я ведь и въехать могу.

— Да хреново мне просто. Дышать тошно, — Фан Юй пьяно улыбнулся, поймав на себе брезгливый взгляд друга. — Вот и пришёл, чтобы вы мне мозги вправили.

— Тебе не просто мозги вправить надо, тебя выдрать мало! — Дин Лэнин со всей силы двинул ему кулаком по плечу. Фан Юй даже покачнулся. Немного остыв, Лэнин продолжил: — Если тебе так плохо, зачем ты потащился к этому парню? Предупреждаю, Фан Юй: то, как Мэй Цзюнь со своим стариком нагрели пацана, я ещё кое-как стерпел. Но если ты решишь поразвлечься за его счёт, пока у тебя в жизни кавардак — я с вами обоими знаться не захочу. Где твоя совесть вообще? Совсем берега попутал?

Он гневно перевёл взгляд с Мэй Цзюня на Фан Юя.

Мэй Цзюнь под этим взглядом закашлялся. Оправдываться было бесполезно — вина действительно лежала на нём.

Фан Юй тоже отвёл глаза. Будем честны: сегодня он действительно поехал к Цзяньси лишь для того, чтобы отвлечься от мыслей о брате. И пусть ничего дурного он не планировал, перед праведным гневом друга крыть было нечем.

— Идиоты несчастные, — в сердцах бросил Дин Лэнин, который в обычное время матерных слов вообще избегал.

Мэй Цзюнь покосился на Фан Юя. Тот лишь виновато поморщился в ответ. Оба благоразумно помалкивали.

Спустя минуту Мэй Цзюнь решился подать голос:

— Меня старик допек, житья не давал. Но я ведь обещал, что мы спровадим его непутёвого папашу из города. Не переживай, я ещё не окончательно совесть потерял, чтобы ребёнка обижать. — Он осторожно звякнул своим бокалом о бокал Лэнина, пытаясь уловить малейшее изменение на его суровом лице.

— Если твой старик прикажет тебе человека прихлопнуть, ты тоже согласишься?.. — проворчал Лэнин, но всё же сменил гнев на милость. — Ладно, замяли. Весь вечер мне испортили, горе-романтики.

Напряжение за столом наконец спало.

— Я правда не собираюсь играть с пацаном, — попытался оправдаться Фан Юй.

Дин Лэнин молча поднял средний палец и отвернулся. Фан Юй перевёл взгляд на Мэй Цзюня — тот проделал ровно то же самое, уставившись в противоположную стену.

— Да, возвращение Фан Циня выбило меня из колеи, — вздохнул Фан Юй, крутя в руках бокал. — Тем более теперь, когда он разведён. Я... я сам не понимаю, что чувствую. Какая-то дурацкая пассивная позиция. Захотел жениться — женился, а я тут с его сыном нянчился. Захотел развестись — развёлся. А теперь возвращается и заявляет, чтобы я его ждал. И самое паршивое — у меня даже сил нет послать его к чертям.

Оба его собеседника тут же повернулись обратно и в упор уставились на него.

— Да потому что он твой брат, идиот! — Дин Лэнин снова завёлся, с силой стукнув доньшком бокала по столу. Звук эхом отозвался в груди Фан Юя, заставив сердце болезненно сжаться. — Ты от него зависишь! Вы же через столько дерьма вместе прошли, забыл?!

— Да оставь ты его, — раздражённо махнул рукой Мэй Цзюнь. — Что бы он ни плёл, диагноз один: непроходимая глупость и поразительное мазохистское упорство.